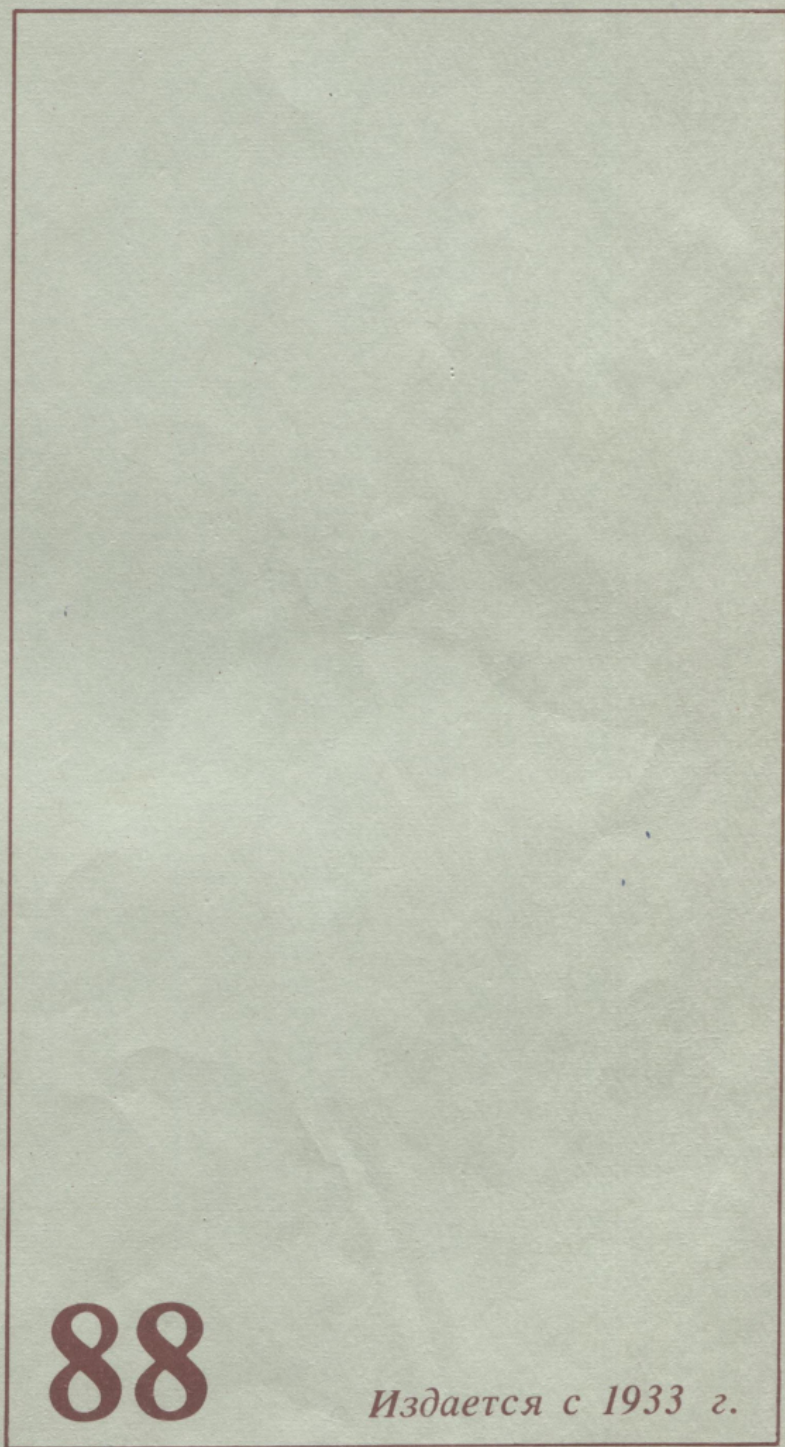

„Ср.“

ISSN 0131-6265

СОВЕТСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

июль
август

4 88

Издается с 1933 г.

Сегодня мы продолжаем затронутую в прошлом номере «СБ» тему — «Зачем нужна история библиографии?». Свою точку зрения по этому вопросу высказывает кандидат педагогических наук, доцент Л. М. Равич.

Л. М. РАВИЧ

ИСТОРИЯ — ЭТО СУДЬБА

История науки — существенная и неотъемлемая часть любой области знания. Изучение ее — давняя и прочная традиция высшей школы. Обычно она читается на первом курсе, как пролог к изучению основ самой науки. Даже в тех случаях, когда труды ученых прошлых лет устарели и заменены новыми, — изучению истории науки придается большое значение. Тем более важно изучать труды предшественников в тех областях знания, в которых они сохраняют не только исторический, но и научный интерес. Такое положение сложилось и в отечественной библиографии. В силу ряда причин разного свойства, вероятно, и в силу того, что две крупнейшие библиотеки страны в течение многих десятилетий были нацелены на создание рекомендательных пособий, у нас до сих пор нет жизненно необходимых капитальных библиографических трудов, не говоря уже о репертуаре русской книги. Из-за этого старые указатели, созданные в девятнадцатом и начале двадцатого века, несмотря на все их недочеты, до сих пор являются необходимыми справочниками, без знания которых современный библиограф не может полноценно выполнять свои обязанности. Это настолько элементарно, что понятно буквально каждому; тем не менее в течение вот уже тридцати с лишним лет изучение старой русской библиографии все время сокращается и ныне вообще сведено на нет.

Когда я была студенткой Ленинградского библиотечного института (в который я перешла в 1947 г. после года обучения на филологическом факультете Ленинградского университета, ибо здесь было интереснее учиться!), нам читали отдельно курсы «Библиографического источниковедения» и «Истории русской библиографии». Первый из этих курсов имел чисто прагматический аспект — доскональное изучение всех капитальных источников XIX—XX вв., знание их достоинств и недостатков, умение ими пользоваться (я училась на факультете библиографии, затем также упраздненном). Курс источниковедения, несколько сухой по своей сути, но необходимый для подготовки профессионалов высшей квалификации, ни в коей мере не подменял собою курс истории отечественной библиографии, имевший иные задачи и установки (о них речь впереди).

Вполне соглашаясь с теми, кто считает, что без знания старых источников нет настоящего библиографа, позволю себе заметить, что изгнание из программ библиотечных факультетов исторических курсов имеет последствия куда более серьезные, чем только слабое знакомство с трудами Сопикова, Смирдина или Геннади. Изучить структуру любого старого указателя и научиться успешно использовать его в справочно-библиографической работе можно и не кончая библиотечного факультета. Ведь не сек-

рет, что множество лиц, занимающих должности библиографов крупных библиотек, не имеют специального образования. И ничего — работают.

Разрешите же мне, всю жизнь занимавшейся изгнанной ныне историей, сказать следующее: история науки — это не просто цепь трудов ее корифеев. История библиографии — это далеко не только источниковедение. История — это судьба. В данном случае — судьба целой области культурной работы, судьба ее представителей, как правило, драматическая и необычайно поучительная. И пока эта, казалось бы, вполне очевидная истина не будет усвоена теми, от кого зависит составление всякого рода учебных планов и программ, — никаких позитивных сдвигов ожидать не приходится, и библиотечные факультеты институтов культуры будут по-прежнему выпускать не образованных гуманитариев, а в лучшем случае более или менее грамотных ремесленников.

Странное дело! В то время как в стране происходит возрождение горячего интереса к истории родной культуры, к ее деятелям и их судьбе, только мы, не помнящие родства (хотя как никто основательно стоящие на плечах предшественников), еще должны доказывать, что история библиографии кому-то нужна...

В 50-е годы началось планомерное уничтожение исторических дисциплин. Сначала исчез курс библиографического источниковедения. Но так как часть его функций (вплоть до практических занятий по изучению старых источников) взяла на себя история библиографии, — поначалу это не ощущалось как резкая перемена. Затем исчез как самостоятельная дисциплина и курс истории русской библиографии, став частью общего курса. И это при том, что сохранились и история библиотечного дела в СССР, и история русской книги, которые, вероятно, кто-то сумел защитить от ретивых реформаторов.

В студенческие годы я имела счастье слушать историю книги у незабвенного Михаила Николаевича Куфаева. В его интерпретации этот предмет был неразрывно связан как с историей библиографии, так и с судьбами отечественного библиофильства, что не только обогащало читавшийся им курс, но было заметным подспорьем и для изучавших историю библиографии. Затем исчезло и это...

Когда я поступила в аспирантуру (1955 г.), исторические темы уже были «на подозрении», и только благодаря авторитету моего научного руководителя профессора С. А. Рейсера удалось отстоять выбранную нами историческую тему. Впоследствии и мне довелось воевать за своих аспирантов, желавших изучать историю нашей науки. Двадцать лет я выслушивала упреки в неактуальности исторических тем и требования, чтобы аспирантские работы были непременно связаны с сиюминутными интересами практики. Но я не знаю ни одного случая, когда такое сочинение оказало бы хоть сколько-нибудь заметное влияние на практическую библиографическую деятельность. Актуальность диссертаций, о которой столько кричат, может принести ощутимую пользу под пером лишь очень опытного работника, а не вчерашнего школяра, каковыми являются в большинстве случаев наши аспиранты. Для них несравненно полезнее покопаться в архивах, в труднодоступных источниках, что может весьма существенно повысить их научно-библиографическую квалификацию. Исторические темы, разрабатываемые начинающими исследователями, могут принести пользу не только им, но и науке в целом благодаря извлечению из архивов важных документов.

«Глубоким заблуждением является требование от науки отделиться целиком практическим задачам», — это сказал 60 лет назад А. В. Луначарский в своих «Тезисах о задачах марксистской критики»¹. Современные науковеды подтверждают и детализируют это положение: «Актуальность исследования, как известно, определяется не самой по себе близостью избранного объекта к современности, а способом анализа этого объекта — тем, как, с каких позиций он рассматривается, насколько эта позиция соответствует запросам нашего времени и способна продвинуть решение его насущных задач»². Это метит не в бровь, а в глаз тем руководителям специальных кафедр, кто, запрещая темы по дореволюционной истории, время от времени милостиво разрешает таковые по истории советской, как якобы более актуальные.

¹ Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957. С. 217.

² Человек науки: Сб. статей. М., 1974. С. 6.

В 1973 г. на страницах «Советской библиографии» (№ 3. С. 22) М. В. Машкова писала, что изучение истории библиографии — «до сих пор никем не управляемый, не планируемый, стихийно протекающий процесс», и выступила с предложением создать научный центр, который обеспечил бы необходимую планомерность и последовательность такой работы. И что же? За эти годы не только не были реализованы ее предложения, но историческим исследованиям был поставлен более мощный заслон, как будто это не нужное всем большое научное и патриотическое дело, а какая-то частная антреприза любителей копания в архивах!

В результате такой близорукой политики теперь фактически не существует кадров историков библиографии, и, когда произошла полная ликвидация исторической части общего курса, преподаватели специальных кафедр не только не протестовали против этого варварства, но, вероятно, были рады, ибо не секрет, что многие из них не обладают нужными знаниями и кругозором для ее преподавания. Между тем студенты не получают сведений ни по истории русской критики (кроме самых элементарных), ни по истории библиофильства как крупного общественного явления, ни вообще полноценных знаний по истории отечественной культуры в целом. В этих условиях изложение истории отечественной библиографии, если его поставить на должную высоту, могло бы дать студентам массу необходимых сведений из области этих родственных дисциплин.

Руководя более полутора десятка лет научным студенческим кружком, я имела возможность убедиться в том, с каким интересом молодежь относится к историческим темам. Да иначе и быть не может. Молодость чутка и отзывается на все доброе и прекрасное. Надо обладать полной этической глухотой, чтобы не почувствовать тот заряд, тот потенциал — эмоциональный, интеллектуальный, идеологический, который таит в себе история отечественной библиографии. Так уж сложилась судьба этой области культурной работы в России.

Отрешимся на минуту от традиционных школярских представлений и попытаемся наглядно представить себе, что такое старый русский библиограф как социально-психологический и исторический тип. Разумеется, тут нет единообразия, все люди разные, но есть и общее. В чем оно? Ответ прост: в подвижничестве этих людей, в их бескорыстном служении родной культуре. Из всех видных русских библиографов один только В. И. Межов был профессионалом (то есть жил на доходы, получаемые от библиографической работы). Остальные же, в трудах наших историков иной раз пренебрежительно именуемые дилетантами (и создавшие тот золотой фонд справочно-библиографических изданий, которым мы пользуемся до сих пор), работали бескорыстно во славу родной культуры.

Это — феноменальное явление, равного которому не знает книговедение ни одной страны!

Попробуем представить себе тех, кто оставил нам труды универсальной тематики — как раз те самые, что ныне еще не сняты с полок крупных библиотек, ибо заменить их нечем. Что это были за люди? Что двигало ими? Вот Сопиков, бросающий достаточно прибыльную книжную торговлю, чтобы получить скромное место помощника библиотекаря и иметь возможность закончить свой «Опыт российской библиографии». Или разорившийся Смирдин, до конца жизни собиравший сведения о русской книге для второго издания «Росписи» своей прославленной библиотеки, о котором он мечтал, но не смог осуществить из-за недостатка средств. Причем следует помнить, что в то время он уже не имел ни библиотеки, ни книжной торговли вообще, так что эта его библиографическая работа была совершенно бескорыстной. А такие богатые люди, как Полторацкий, Геннади, Неустроев, пренебрегшие карьерой и избравшие библиографию своей жизненной стезей. А сын декабриста, революционер Евгений Якушкин, отдавший десятилетия упорного труда созданию громадного библиографического свода «Обычное право»... Этот список можно продолжать еще и еще...

Бедняк-разночинец Александр Афанасьев, издававший на свои более чем скромные средства убыточные «Библиографические записки», писал Григорию Геннади: «О барышах никто из нас не думает. Свой труд приносим мы бескорыстно русской науке в чайники, что будет же время, когда сумеют оценить это по достоинству»³.

³ Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «ЖЗЛ». Т. 10. М., 1974. С. 217.

Это ведь к нам обращено, дорогие мои современники и коллеги. Сумели ли мы оценить? Что-то не видно...

У нас почти не существует полноценных научных биографий дореволюционных библиографов. Только трое-четверо «удостоились» небольших книжечек в серии «Деятели книги». Мы называем Сопикова «отцом русской библиографии», а о нем нет даже такой книги. Возьмем пример еще более разительный: Петр Александрович Ефремов. Нет никакого сомнения в том, что он — один из корифеев отечественного книговедения: библиограф (один из основателей литературоведческой библиографии), выдающийся библиофил, комментатор, публикатор, редактор, создатель нового типа изданий отечественной классики, наконец, видный общественный деятель, корреспондент герценовской вольной печати. Собирая о нем материал, работая в его архиве, частично дошедшем до нас, я каждый раз извлекаю такие сюрпризы, которые даже меня, всю жизнь занимавшуюся историей библиографии, приводят в изумление. А у нас, кроме беглых упоминаний, о нем нет сведений ни в одном из книговедческих курсов. Энциклопедический словарь «Книговедение», в котором Ефремов должен был бы занять по праву одно из ведущих мест, посвятил ему 23 строчки узкой колонки — вдвое меньше, чем митрополиту Евгению и даже меньше, чем Иосафату Огрызко — лицу в русском книговедении совершенно эпизодическому.

Но если о некоторых дореволюционных библиографах мы все же кое-что знаем, то уж работ обобщающего характера, в которых был бы подытожен их вклад в развитие отечественной науки, не существует вовсе. А между тем, не говоря уже обо всем прочем, в недрах библиографической школы прошлого века зародилось русское академическое литературоведение, первыми адептами которого и стали наши предшественники на ниве библиографии. А созданные ими великолепные книжные собрания, в свое время выполнявшие функции практически не существовавших в стране научных библиотек! А осуществленные ими ценнейшие публикации исторических и литературных памятников! Как же можно допустить, чтобы этого не знали люди, получающие высшее библиотечное образование?

В большинстве зарубежных стран уже давно переизданы основные старые русские указатели — труды Лисовского, Неустроева, Геннади и других. Без этих справочников не обходится ни один славист, коих ныне во всем мире великое множество. Всем нужны эти указатели, — всем, кроме нас. Между тем мы-то первые и должны были переиздать эти труды, и не только из соображений чисто прагматических, как за рубежом, но и из патриотических тоже.

Сегодня в стране поднят исключительной важности вопрос о перестройке высшей школы, о ее наболевших проблемах, о качестве подготовки специалистов. Нас это касается, может быть, еще больше, чем других. Уровень преподавания в наших институтах на библиотечных факультетах неуклонно падает и ныне находится в положении, которое нельзя назвать иначе, чем катастрофическим. Причин тому множество, но главная — антиисторизм, дегуманитаризация библиотечного образования. В этом не может быть ни малейшего сомнения. На мой взгляд, необходимо восстановить факультет библиографии вообще, готовить по преимуществу библиографов, сильно подняв требования к качеству получаемых ими знаний. Ведь тот общеизвестный факт, что крупнейшие библиотеки страны выпускникам институтов культуры предпочитают людей с любым другим высшим образованием, которых можно быстренько «переучить» на библиографа, — просто позор и признание нашей беспомощности.

За последние тридцать лет мы были свидетелями бесконечных слияний и разделений кафедр и факультетов, как правило, не обусловленных насущной необходимостью. Эта симуляция кипучей деятельности, позволившая чиновникам от культуры демонстрировать требуемую активность, очень дорого нам обошлась. Великолепная кафедра библиографии ЛГИКа, которая в 60—70-е годы насчитывала более 25 специалистов, кафедра, в коллективе которой ковалась библиографическая мысль, ныне фактически разгромлена. Теперь то, что носит пышное название «кафедра общей библиографии и книговедения», состоит из десяти человек, из которых специалистов по общему курсу библиографии — трое. Кому нужно было отторгнуть «отраслевиков» от «общевиков» и объединить библиографию технической литературы с библиографией художественной литературы и искусства? Это сделали люди, которые не задумались над тем, что специфика этих дисциплин, их установки, в том числе учебные, даже их терминология име-

ют весьма мало общего, и альянс этот совершенно противоестествен, в то время как отрыв гуманитарных библиографий от общего курса чреват серьезными последствиями, которые ныне уже налицо!

Возврат к прекрасным традициям прошлых лет необходим и неизбежен, — конечно, на новом, более высоком уровне, соответствующем возросшим требованиям сегодняшнего дня. Это потребует немалого количества дополнительных учебных часов. Откуда их взять? Прежде всего за счет интеграции ряда дисциплин и изживания многопредметности — этого бича институтов культуры. Всевозможные «основы» (сельского хозяйства, промышленного производства и им подобные), имитирующие политехническое образование, необходимое средней школе, но немыслимое в гуманитарном вузе, отнимает массу драгоценных часов, нужных для преподавания профилирующих дисциплин. Об уровне преподавания этих «основ» я уже и не говорю — он ниже всякой критики. Разве не ясно, что первейшая задача библиотечного факультета — выпускать образованных людей, а не полужнаек, вкусивших всего понемногу? Нельзя считать нормальным такое положение, когда на непрофилирующие дисциплины (вместе взятые) отводится больше часов, чем на всю массу специальных предметов, готовящих профессионалов. Это, кроме всего прочего, свидетельствует еще и о том, что до сих пор нет полной ясности в вопросе: а кого, собственно, мы должны выпускать из стен библиотечных вузов (не хочется даже называть их институтами культуры, ибо такой профессии не существует)? Если это гуманитарный институт, то историзм — первейшее условие полноценного образования.

Однако возникает еще один роковой вопрос: что мы можем сегодня предложить тому, кто хочет детально ознакомиться со славной историей русской библиографии? С грустью и горечью приходится сознаться: современного, цельного — ничего. Это тоже результат гонений на историю. В свое время даровитый и образованный Н. В. Здобнов первый начал читать курс истории библиографии, отличный от источниковедения, попытавшись связать его с проблемами культуры, идеологии, политики. До сих пор его монография «История русской библиографии до начала XX века» является единственной работой, рассматривающей весь путь ее развития.

В этой книге немало ярких, запоминающихся страниц, да и метод автора — социально-генетический — не может не вызвать одобрения. Но несмотря на эти неоспоримые достоинства, монография Н. В. Здобнова уже давно безнадежно устарела. Созданная во второй половине 30-х годов, она отражала систему взглядов и оценок, которая господствовала в то время. Характеристики большинства дореволюционных библиографов и политические квалификации их, зачастую весьма приблизительные и грубые, теперь особенно бросаются в глаза⁴. Раздача терновых и лавровых венков по признакам, к библиографии прямого отношения не имеющим, присвоение «неудобным» (по тем или иным причинам) деятелям наименования формалистов и объективистов — все это давно не соответствует современному уровню и методологии гуманитарных знаний. Тем не менее книга Н. В. Здобнова как бы вне критики; она трижды переиздавалась, и ни разу не ставился вопрос о замене ее новой. Хотя такая необходимость давно назрела, и создание настоящей, современной по духу и основанной на широком привлечении архивных документов истории русской библиографии — первоочередная задача советского библиографоведения. (Я не касаюсь здесь монографии М. В. Машковой — книги интересной во многих отношениях, но охватывающей всего полтора десятилетия и потому не решающей проблемы.)

Нельзя забывать и о том, что история библиографии неразрывно связана с историей других гуманитарных дисциплин и прежде всего литературоведения, исследователи которого не могут обойтись без включения в свои сочинения и нашего материала. Опираются же они, как правило, на монографию Н. В. Здобнова, ибо другой не существует, и изжившие себя идеологические мерки 30-х годов механически перехо-

⁴ Например, К. С. Сербинович, автор комментариев к последнему тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, именуется «цепным псом николаевского режима» (Изд. 3-е. С. 252). Вслед за этим определением сказано: «Образованный чиновник, Сербинович прекрасно понимал значение библиографии». Речь идет о 30-х годах XIX в., когда не только чиновники, но и многие литераторы не отличались «прекрасным пониманием» ее, и Сербинович был, таким образом, редким исключением. В развитии отечественной библиографии он сыграл роль отнюдь не «цепного пса», а одного из ее организаторов. Подобных примеров можно было бы привести множество.

дят в такие труды. Так, в вышедшей недавно монографии «История русского литературоведения»⁵ мы снова встречаемся с «формалистами» и «объективистами», к стану которых Н. В. Здобнов причислил почти всех выдающихся библиографов середины прошлого века. К сожалению, авторы монографии воспроизвели его точку зрения. Это далеко не единичный пример и очень серьезное предупреждение всем нам. Ирония заключается в том, что единственный, кто избежал обвинения в формализме, был В. И. Межов — библиограф, методы которого (без книг, по одним описаниям) как раз сильно отдавали формализмом. Дело в том, что зачисление в стан формалистов производилось не на основании анализа трудов того или иного деятеля, а базировалось лишь на «высказываниях», чаще всего вырванных из контекста и препарированных в угоду историку. Любопытно отметить, что набор «формалистов» у каждого автора свой. Так, у Здобнова это — Г. Н. Геннади, Р. И. Минцлов и «М» (Л. Н. Майков). У комментатора сочинений М. Л. Михайлова Ю. Д. Левина — М. Н. Лонгинов, С. Д. Полторацкий и М. И. Семевский. Но самый богатый выбор предлагает «Хрестоматия по русской библиографии» (1956). Здесь — Полторацкий, Геннади, Лонгинов, Майков, а также редакция «Библиографических записок» в полном составе. Последнее особенно примечательно: теперь уже достоверно известно, что она состояла из последователей Герцена, людей левого фланга русской науки и библиографии! Вот как делалась история!

За последние десятилетия накопился немалый исторический материал. Сложились и новые концепции; в известной мере преодолен вульгарно-социологический подход к историческим явлениям. Очень важно и то, что благодаря широкому развитию книголюбия возрос престиж библиофильства, появилась возможность разрабатывать его историю, неразрывно связанную с историей отечественной библиографии. Речь уже должна идти не просто о возрождении курса истории библиографии, но об историзме как принципе преподавания всех дисциплин, включая и отраслевые библиографии⁶.

Современный уровень методологии гуманитарных знаний требует от нас разработки и истории библиографоведения. В последние годы стали появляться работы на эту важную тему (в том числе и диссертационные), но они, как правило, не связаны друг с другом, случайны и пока что не составляют даже костяка истории. В 1975 г. была издана книга О. П. Коршунова «Проблемы общей теории библиографии», в которой он подверг критическому разбору теоретические построения М. А. Брискмана, А. И. Барсука, отчасти Л. Н. Троповского и других деятелей. Действительно, в советской теории библиографии было много путаницы, произвольных построений, отголосков недоброй памяти 30-х годов, когда вся библиография была нацелена на политпросвет. Критика как этих, так и других пороков нашей теории была полезной. Однако, строго разбранив современников и ближайших предшественников, О. П. Коршунов в своем обзоре непостижимым образом забыл о библиографах XIX в., которые ведь не только составляли указатели, но думали и писали о роли, общественных функциях, границах, объекте библиографии. Такие материалы мы находим в их статьях, в предисловиях к крупным указателям, в рецензиях, не говоря уже о переписке их друг с другом, которая является богатейшей россыпью идей и мнений. Все это необходимо учесть и изучить. Короче говоря — история библиографической мысли ждет своего вдумчивого исследователя.

Кто-то, кажется, Виктор Шкловский, сказал о себе и своих товарищах по цеху: «Мы вымираем, как мамонты». Ныне это могут с полным — горьким — правом сказать о себе историки библиографии. Думаю, что выражу общее мнение этих представителей реликтовой фауны, что наша мечта — передать опыт, знания, мысли, накопившиеся за десятилетия преподавательской и исследовательской работы, молодому поколению библиографоведов, тем, кому предстоит возрождать исторические курсы.

⁵ Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л. История русского литературоведения. М., 1980. С. 247—248.

⁶ Насколько мне известно, кафедра библиографии МГИК планирует написание своими силами учебника по истории библиографии. Весьма странно, что проспект его не был представлен на обсуждение библиографической общественности. Это наводит на весьма грустные размышления и отнюдь не внушает больших надежд.